

роман
С Е Н С А Ц И Я

1

Прежде чем нажать на кнопку звонка, Людовик всегда делает глубокий вдох, ускоряя свой сердечный ритм, чтобы подготовиться к внезапной вспышке враждебности или к ледяному приему. После чего, решительно выпрямившись во весь свой немалый рост и выпятив грудь, застывает столбом, ожидая, когда откроется дверь. Но тут, завидев на крыльце обшарпанного пригородного домика маленькую старушку, понимает, что на сей раз уготованное ему испытание будет заключаться в другом: не разжалобиться.

В гостиной Людовик выбирает большое кресло по другую сторону журнального столика, а пожилая дама безумно долго устраивается в своем. Он еще думает про себя, что та наверняка переигрывает (впрочем, возможно, у нее и в самом деле болит спина, ноги, да, очевидно, и все остальное), а сам тем временем достает документы из папки, которую принес с собой. Но старушка уже поднимается и с трудом шаркает в сторону коридора, заявив, что пошла за очками, только вот не помнит, куда их подевала.

Прошло три минуты, а она все еще не вернулась. Чудовищная пауза затягивается, время течет

Серж Жонкур

ужасно медленно. Как часто бывает в таких случаях, Людовику становится не по себе, он чувствует себя чертовски глупо, он терпеть не может такие вот затишья и предпочитает, чтобы все шло своим чередом, но быстро, даже с риском повышения градуса и дальнейшего воспламенения. Во время визитов бывает, что обстановка накаляется, дело доходит до криков, некоторые даже откровенно хватаются за нож, как было на прошлой неделе, но сегодня все совсем наоборот. Людовик не подает вида, но он вовсе не горд своей профессией. Эта старушка напоминает ему собственную мать — она примерно в том же возрасте, и ей так же трудно ходить. Еще только заметив ее на крыльце, когда она вышла открывать ему калитку, он был застигнут врасплох этим сходством. В таких случаях он ограничивается своей представительностью, которой обычно хватает, чтобы не прибегать к другим средствам: метр девяносто пять на сто два кило; если напустить на себя посуровее, то он умеет произвести впечатление. Хотя единственное, чего он добивается, это не напугать, а всего лишь внушить мысль, что он не тот тип, которого можно разжалобить или растрогать. И, как правило, ему это хорошо удается. Однако до чего неприятно и утомительно все сразу понимать о других, все немедленно в них чувствовать. Едва оказавшись здесь, в Севране, и пройдя за хозяйкой по зацементированной дорожке, а потом по коридору ее домика, он уже обо всем догадался. Наверняка эта старушка, которая ходит с трудом, прожила здесь

Опасная связь

большую часть своей жизни, он обнаружил тут все симптомы застарелых привычек: давным-давно пустующая собачья будка, сад, за которым перестали ухаживать, мужнина обувь возле буфета, а самого мужа, похоже, здесь нет, или спит, или в больнице... Людовик еще не знает, что там случилось с жизнью этой маленькой дамы, этой славной, залезшей в долги бабули. Хотя ее домик вовсе не безобразен, все здесь отдает неудачей и увядшей судьбой.

В кухонных запахах, которые плавали по всему дому, он тут же различил: сливочное масло, на котором неоднократно жарили, размораживающиеся стейки на слишком жирной сковородке, брюссельскую капусту, хранившуюся не в холодильнике, — да, ароматы старой школы, классическую картину дополняли радиоприемник на батарейках, стоящий на комод, да шеренга войлочных тапочек. Но все же самое характерное — этот немного прогорклый душок приготовленной вчера пищи, он часто с ним сталкивается, неожиданно заявляясь к людям; так пахнет у тех, кто плохо питается, ест жирное, да еще и выпивает, быть может. Как и всякий раз, его поражает обстановка в целом; это из-за того, что ему приходится крайне бестактно сваливаться на голову совершенно незнакомым людям, не предупредив их заранее о своем визите. Едва увидев сине-бело-красный логотип на заполненном бланке, который он протянул ей поверх калитки, старушка сразу же впустила его, вежливо и без малейших колебаний. По всей види-

мости, она даже не попытается отвертеться, да и это его огорчило бы. Его особенно. Всегда неприятно разруливать ситуации, где противоположная сторона с самого начала ведет себя непорядочно, отравляя все своим вероломством и бессовестностью. Но такое он всегда предчувствует. Редко бывает, чтобы ему не хватило слов и пришлось прибегать к помощи рук, обычно такое случается только с молодыми и не слишком уравновешенными парами, чаще всего обремененными мелюзгой, которая в самом разгаре беседы принимается вопить, чем еще больше наэлектризовывает обстановку.

Пожилая дама возвращается со своими очками, спрашивает, не хочет ли он выпить чего-нибудь, пива или портвейна, но он недвусмысленно отказывается — было бы опасно превратить это посещение в визит вежливости, тональность разговора вполне может стать сочувственной. А при взыскании долгов это настоящий риск: стоит дать им смутить себя, поддаться хотя бы раз, и впредь уже будешь постоянно их оправдывать. Бросив взгляд в досье, чтобы освежить в памяти подробности дела, он вдруг осознает что старушка-то на самом деле не так уж и стара, ей всего семьдесят шесть лет, о чем можно судить по дате рождения в платежных ведомостях, хотя с головой у нее явно не все в порядке, или же она прикидывается, потому что уже наливает ему рюмку портвейна, не обделив и себя — две маленькие, полные до краев рюмочки, которые осторожно

Опасная связь

ставит на журнальный столик. Людовик подчеркнуто отодвигает свою и пользуется этим широким жестом, чтобы занять как можно больше места, раскладывая принесенные с собой документы. Очувтившись вдруг перед целым ворохом официальных бланков, пожилая женщина встает; Людовик чувствует, что ее наконец проняло. Ей трудно сдержать удар при виде копий всех тех бумаг, которые она уже получала, согласно которым она должна денег, однако вот он, этот чертов долг, перед ней — в конце концов настиг ее, став реальностью.

— Знаете, мадам Салама́, чем дольше тянутся такие истории, тем только хуже. Я говорю это ради вас, мадам Салама. И напоминаю, что я пришел сюда лишь для того, чтобы все уладить и вернуть на свои места. Понимаете, моя работа как раз в том и состоит, чтобы не давать делу портиться еще больше. Понимаете?..

Для каждой встречи он запасается папкой — не офисной и не для рисунков, а простой картонной папкой с фамилией должника, написанной на самом виду, чтобы подчеркнуть исключительность своего демарша, дать ему понять, что прибыл сюда нарочно ради него. Только для того, чтобы увидеться с тем, чья фамилия написана черным фломастером на красной папке. Это досье немного напоминает историю болезни, довольно пухлую историю, потому он на 90% набивает ее совершенно посторонними бумагами, чтобы выглядело повнушительнее. Занимаясь этим ремеслом вот уже два года, Людовик по крайней мере уверен в одном:

Сержэ Жонкур

толстое досье производит гораздо большее впечатление, чем его сто два килограмма.

— О, знаете, я никогда ничего не понимала во всех этих бумажках, все эти заказные письма...

— Вот именно, мадам Салама, вам лучше присесть, я вам сейчас все подробно объясню.

Он чувствует, что дама довольно сильно встревожена, поэтому немного меняет тон, внося в него человеческие нотки.

— Не волнуйтесь так, маленькие задолженности у всякого могут случиться. Я вам скажу, в наше время это даже стало правилом: люди влезают в долги, чтобы купить что-нибудь, получают то, что хотели, но забывают при этом, что в конце концов надо за это заплатить, так уж все устроено...

— Понимаете, это не для нас, а для внучки.

— Кольцо это для вашей внучки?

— Да, на ее свадьбу.

— Ладно, но если я правильно понял, она вышла замуж два года назад, а за кольцо до сих пор не заплачено. Два года — это многовато, вы не находите? И вообще после задатка была всего одна выплата, да к тому же неполная, верно?

— Она с тех пор развелась. Бедняжка, это все любовь, она не очень-то помогла ей в жизни, но я вас прошу поверить, это была девчоночья любовь.

— Я уверен в этом, мадам Салама, но поймите и вы меня, я пришел не для того, чтобы говорить о вашей внучке, нас интересует это кольцо...

— А он ее вдруг бросил одну с двумя детьми, ни с того ни с сего...

Опасная связь

— Ладно, но, судя по тому, что я вижу в досье, муж вашей внучки тут совершенно ни при чем, его фамилия в деле не значится. Мадам Салама, это ведь вы купили то кольцо, разве не так? Вы хотели дать ему в долг?

— О, я уже не помню, это муж заполнял все бумаги, он всегда такие бумаги заполнял.

— Ладно, а где сейчас мсье Салама?

— В больнице.

Вот и подтверждается дурное предчувствие, возникшее у него перед тем, как задать этот простейший вопрос; и вот тут ни в коем случае нельзя дрогнуть, позволить себе разжалобиться.

— Ладно, но ведь это ваша подпись на первом чеке, верно?

— Это наша общая чековая книжка, но вообще-то я уже ничего не помню, вы мне говорите об этом через три года, а я вам говорю, что они с тех пор развелись.

— Нет, через два года. В таком случае, где теперь это кольцо?

Делая вид, будто роется в досье, Людовик заранее прикидывает, что будет, если попытаться забрать кольцо у внучки, которая наверняка его давно продала: два вопящих карапуза, молодая женщина, которая теряет самообладание, паникует или выходит из себя. А если у нее завелся новый мужик, да еще и с криминальными наклонностями, то придется разбираться заодно с мужиком, изо всех сил стараться сохранять хладнокровие, ступая по раскаленной лаве... Уж лучше малость сблефовать.

Сержэ Жонкур

— Мадам Салама, вы уже разок помогли вашей внучке, и знаете, что мы сейчас сделаем? Мы снова ей поможем, на этот раз окончательно, не то, если вы ничего не сделаете, вся эта история свалится на нее и это ей придется ее расхлебывать, заплатить семьсот евро!

— О, но я вовсе не хочу, чтобы у нее были проблемы... Господи боже, надо же, чтобы это случилось со мной, вот уж не повезло, как подумаю, что вы устроите ей проблемы...

— Я здесь как раз для того, чтобы не было проблем. Послушайте меня хорошенько, я тут всего лишь посредник, занимаюсь примирением сторон, вот и все... и я представляю ювелира из Ливри-Гаргана, у которого вы купили кольцо, это честный ремесленник, только в последнее время у него много неприятностей из-за тех, кто ему не платит. Получается, что он выдает товар авансом, чтобы люди вовремя получили свои кольца, а взамен получает неприятности, потому что ему не платят, понимаете? Надо же ему получить назад свои деньги, а не то ему придется закрыть лавочку, понимаете?

— Все ювелиры ворюги...

— Не этот, мадам Салама, не этот, поверьте мне. Тогда для начала мы сделаем одну совсем малюсенькую простенькую вещь: мы составим график выплат на двадцать месяцев, если хотите, чтобы вы были спокойны... Вы мне выпишете двадцать чеков по тридцать пять евро, которые ювелир будет обналичивать месяц за месяцем, и так мы избежим неприятных процедур, приставов и так далее, я вам

Опасная связь

обещаю, что не будет никаких судебных мер, никаких проблем, ничего...

— Не хватало еще, чтобы меня по судам таскали, в моем-то возрасте, пусть только попробуют, вот еще, им мало не покажется!

— Не сердитесь, я здесь как раз для того, чтобы вам не досаждали, чтобы мы с вами спокойно потолковали, понимаете? Значит, мы двинемся потихоньку-полегоньку, месяц за месяцем, вы следите за моей мыслью, мадам Салама, потихоньку-полегоньку, знаете что, доверьтесь мне, вот увидите, мы все уладим, и так, благодаря вам, все останутся довольны, и ваша внучка избежит неприятностей. Вот... Ну что, давайте, чокнемся?

— О нет, этого я не хочу!

— Да чего же?

— Чтобы у малышки были неприятности.

Когда она достает из ящика комода старую, совсем затрепанную чековую книжку, его вдруг охватывают сомнения, он молится, чтобы она не подсунула ему пачку необеспеченных чеков. Потому что он уже представляет себе, как возвращается сюда через неделю, уже в другом расположении духа, и тогда придется ему говорить по-иному с этой семидесятишестилетней женщиной, повышать на нее голос, переходить в совсем другой регистр. Людовик скрещивает пальцы, только бы она его не подставила, только бы сыграла честно. Но когда старушка опрокидывает одним духом свою рюмку портвейна и наливает себе вторую, которую выдувает так же лихо, у него снова

Серге Жонкур

появляются сомнения. С первого чека она жалуется, что у нее ничего не выходит, ручка не работает и вообще тут недостаточно света, после чего поднимается и говорит ему, чтобы он сам их заполнил. Дескать, она решает довериться ему. Он в некотором смысле тоже вынужден ей поверить. Так что оба доверяются друг другу. Только вот в силу опыта он обладает верным нюхом, а потому чувствует неприятности, когда замечает, что последний чек был выписан три года назад, а еще замечает на ее ногах две пары носков поверх чулок и то, что в доме и правда холодно... в общем, он предчувствует, что история на этом не закончится.

Вокруг Авроры полно народа, даже слишком, быть может. Компьютерный сбой парализовал все кассы. Каждый ждет в своей очереди с наполненной корзинкой или тележкой, отсюда никуда не денешься, разве что все бросить и уйти, но тогда что есть сегодня вечером? Аврора бросает взгляд на свой телефон: сеть-то он тут ловит, но это ничем не может ей помочь. Пауза затягивается, кассирши застывают, сбитые с толку этим непривычным затишьем. С тех пор как зависли все кассовые аппараты, больше не слышно попискиваний, раздававшихся со всех сторон, ни движения транспортерной ленты, вообще ни малейшего звука. Люди смотрят друг на друга без всякой реакции. Менеджер говорит, что через три-четыре минуты все наладится; он держит в одной руке портативную рацию, а в другой коробку шоколадных конфет, которыми угощает

покупателей, чтобы скрасить им ожидание. Аврора задается вопросом, будут ли эти три-четыре минуты безвозвратно потеряны и во что они могли бы превратиться в масштабе ее жизни. Ее прошибает пот, но она не нервничает, хотя и с трудом выносит, что у нее крадут время, которое ей еще понадобится, чтобы собрать покупки, потом вернуться на холод и пересечь свой двор. Опять пересечь этот двор.

Инцидент в магазине — словно иллюстрация ее жизни в последнее время. С сентября все дни состоят из украденного у нее времени, времени, которое ей больше не принадлежит. Часов, которые отнимают у нее на работе. Минут, что она теряет в переходах метро. И даже двое ее собственных детей видятся ей маленькими эгоистичными воришками. В придачу еще и Виктор — ее пасынок, который бывает здесь только десять дней каждый месяц и по возможности держится на втором плане (правда, насупившись, что в конечном счете еще хуже), тоже крадет у нее время. Крадет, даже не спрашивая, просто находясь здесь, не делая ничего, не убирая постель, не готовя уроки, только валяясь со своей игровой приставкой на том белом диване, где она и сама мечтает как-нибудь прилечь. Прилечь всего на один вечер — бросить вещи при входе и устроиться на белой приятной коже, и чтобы все делалось без нее.

Попискивания возобновляются, жизнь возвращается. Когда она выходит из супермаркета «Монопри» на улицу, там уже черным-черно. Сегодня 20 октября, девятнадцать тридцать, и день стал еще